

ПЕРЕВОД ДЛЯ ГРУППЫ:
[HTTPS://VK.COM/TOWWERSAUTHORS](https://vk.com/towersauthors)

РЕЦЕПТ ЛЮБВИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

ЭНН МАЛКОМ

TOWWERS | ПЕРЕВОДЫ КНИГ

Нора Хендерсон придерживается мнения, что шоколад лечит все. Именно по этой причине, среди нескольких других, пять лет назад она открыла свою пекарню в маленьком городке Юпитер. Люди приезжают за много миль ради ее шоколадных кексов с арахисовым маслом. Клиенты чуть не дрались из-за последнего миндального круассана. Некоторые даже говорят, что ее печенье с шоколадной крошкой помогает облегчить боль разбитого сердца. У Норы хорошая жизнь. По крайней мере, на первый взгляд. Под глазурию и сладким декором ее пекарни скрывается расторгнутая помолвка, сомнения и тревоги. Короче говоря, Нора Хендерсон - это полный бардак. Не та девушка, которой заинтересовался бы Роуэн Деррик. Он грубоватый, бывший военный, владелец строительной компании, задумчиво бродит по городу и носит бейсболку задом наперед. И он играет главную роль почти в каждой из фантазий Норы. Она думала, что он останется в ее воображении и лишь клиентом... Но Роуэн Деррик также положил глаз на Нору. Она и не подозревает, что тоже играет главную роль в каждой из его фантазий. И теперь, когда прекрасная кондитерша больше не помолвлена, он намеревается сделать ее своей. Рецепт любви EPUB.epub 303 КБ Рецепт любви FB2.fb2 975 КБ Рецепт любви PDF.pdf 1008 КБ Рецепт любви TXT.txt 932 КБ
Рецепт любви Страница Опубликовать сейчас

Рецепт любви

<https://ficbook.net/readfic/13000121>

Направленность: Гет

Автор: Anne Malcom

Переводчик: towwers (<https://ficbook.net/authors/938857>)

Беты (редакторы): Мисс Кофе

Фэндом: Ориджиналы

Пэйринг и персонажи: Нора/Роуэн

Рейтинг: NC-17

Размер: 240 страниц

Кол-во частей: 27

Статус: завершён

Метки: Счастливый финал, Еда / Кулинария, Нецензурная лексика, Романтика, Флафф,

Смерть второстепенных персонажей, Здоровые отношения

Описание:

Нора думает, что шоколад лечит все. Поэтому открыла свою пекарню. Говорят, ее шоколадное печенье помогает от разбитого сердца. У Норы хорошая жизнь, на первый взгляд.

Под глазурию скрывается расторгнутая помолвка, сомнения и тревоги. Девушка точно не во вкусе Роуэна Деррика. Он грубоватый, бывший военный, владелец строительной компании, задумчиво бродит по городу и носит бейсболку задом наперед.

И теперь, когда прекрасная кондитерша больше не помолвлена, он намеревается сделать её своей.

Публикация на других ресурсах: Запрещено в любом виде

Примечания:

ПЕРЕВЕДЕНО ДЛЯ ГРУППЫ <https://vk.com/towwersauthors>

===== Аннотация =====

Нора Хендерсон придерживается мнения, что шоколад лечит все. Именно по этой причине, среди нескольких других, пять лет назад она открыла свою пекарню в маленьком городке Юпитер.

Люди приезжают за много миль ради ее шоколадных кексов с арахисовым маслом. Клиенты чуть не дрались из-за последнего миндального круассана. Некоторые даже говорят, что ее печенье с шоколадной крошкой помогает облегчить боль разбитого сердца.

У Норы хорошая жизнь. По крайней мере, на первый взгляд. Под глазурью и нежным декором ее пекарни скрывается расторгнутая помолвка, сомнения и тревоги. Короче говоря, Нора Хендерсон — это полный бардак.

Не та девушка, которой заинтересовался бы Роуэн Деррик. Он грубоватый, бывший военный, владелец строительной компании, задумчиво бродит по городу и носит бейсболку задом наперед.

И он играет главную роль почти в каждой из фантазий Норы. Она думала, что он останется в ее воображении и лишь клиентом... Но Роуэн Деррик также положил глаз на Нору. Она и не подозревает, что тоже играет главную роль в каждой из его фантазий. И теперь, когда прекрасная кондитерша больше не помолвлена, он намеревается сделать ее своей.

===== Предисловие =====

Мне было так весело писать эту книгу. Если вы следите за мной на любой из моих платформ в социальных сетях, вы, возможно, видели фрагменты моей грязной кухни, когда я пекла. Я окрестила себя «Пекарь-хаотик», потому что всякий раз, когда я пеку, наша кухня взрывается. Не в буквальном смысле. К счастью.

Из этого расцвела идея. История о женщине, у которой много причуд. Которая любит сахар. Которая безумно успешна. Которая ежедневно борется с тревогой. Которая влюбляется в сварливого задиру, который полюбил ее с того момента, как увидел.

Родилась Нора.

Казалось, что нет ничего сложного в том, чтобы добавить рецепты для каждой главы, так как я хотела дать моим коллегам-пекарям-хаотикам шанс попробовать интересные и необычные блюда. Не все рецепты — мои собственные. На самом деле, большинство из них таковыми не являются. Я кое-где вносила небольшие изменения в оригинальные рецепты.

Если вы действительно хотите печь во время чтения, я настоятельно рекомендую книгу Клэр Саффитц «Десертный человек». Большинство рецептов, которые взяты оттуда.

Начнем с заветного любимого блюда.

Обожаю печенье «Санте». Это печенье (как вы, американцы, говорите) вызывает у меня столько ностальгии. Я помню, как готовила их с мамой, бабушкой, с подружками. В моей жизни было много раз, когда я была убита горем, грустила, испытывала стресс, была подавлена, и эти печенюшки мне помогали.

Признание: я готовлю печенье исключительно для того, чтобы поесть сырое тесто, и очень мало печенек попадают в духовку.

Конечно, я не рекомендую вам есть сырое тесто. Но все зависит от вас :)

Хорошо, давайте перейдем к рецепту, а потом к книге.

Печенье Санте

- ½ стакана размягченного сливочного масла
- ¼ стакана сахара
- 5 столовых ложек сгущенного молока с сахаром
- ½ стакана муки
- 1 ч.л. разрыхлителя
- ¾ стакана шоколадной стружки
- ½ ч.л. ванили

Разогрейте духовку до 350°. Застелите противень бумагой.

Взбейте сливочное масло, сахар и сгущенное молоко до получения легкой и пышной массы.

Смешайте все сухие ингредиенты в отдельной миске, затем просейте через сито во взбитую смесь, перемешивая до получения однородной массы. Добавьте шоколадную стружку.

Скатайте из смеси шарики, выложите их на противень, а затем разровняйте вилкой.

Выпекайте в течение 15 минут или до золотистого цвета по краям.

Оставьте на противне на 5 минут, затем переложите на тарелку остывать (хотя их лучше есть теплыми).

===== Глава 1 =====

Меня зовут Нора Хендерсон, и у меня тромбоэмболия легочной артерии.

Если вы не знали, легочная эмболия — это когда в организме образуется сгусток крови, который затем попадает в легкое, где нарушает поток воздуха.

Симптомами являются внезапная одышка, боль в груди, чувство тревоги, головокружение, учащенное сердцебиение и потливость. Если у вас тромбоз глубоких вен, вы также будете испытывать боль, отек и тепло в ноге.

Если не лечить, это может вызвать серьезные проблемы, в конечном счете приводящие к смерти.

Прямо сейчас я могла бы умереть.

— Нора, в маффинах есть арахис? — спросил голос, прерывая видения того, как могли бы выглядеть мои похороны.

Я думала, все не будет пышным, но народу много придет. Цветы были бы белыми. Лилии. Или розы. В церкви у озера, хотя я не особо религиозный человек. Там очень красиво. Хорошее место для похорон.

Я моргнула, чтобы сфокусироваться на своей розовой, девчачьей, великолепной, опрятной кухне, и сосредоточила свое внимание на светловолосой австралийке, которая только что задала мне вопрос.

— Что? — спросила я, мой голос был хриплым. Вероятно, из-за проблем с дыханием.

— Маффины, — сказала она. — Я бы просто солгала и сказала «нет», если бы клиент, о котором идет речь, не подчеркнул, что у него опасная для жизни аллергия на арахис. Я не хочу, чтобы на меня подали в суд, если он упадет и умрет.

Мое дыхание выровнялось, сердце замедлилось, теперь мне было на чем сосредоточиться.

Фиона была одержима идеей, что на нее когда-нибудь подадут в суд. Очевидно, в

Австралии другие порядки.

— Нет, в кексах нет арахиса, — успокоила я ее.

Она прикусила губу.

— Можешь сама сказать клиенту? Я думаю, что подорвала свой авторитет у них. Сказала, что никто не умирал от нашей продукции... ну, по крайней мере, нам не сообщали. Это звучало бы лучше, если бы исходило от человека, который на самом деле испек маффины. И ответственность перешла бы на тебя, — она подмигнула, прежде чем ее голубые глаза скользнули по мне. — К тому же, ты выглядишь взволнованной. Что сегодня?

Фиона была одним из немногих людей, которые знали о моей тревоге за здоровье. О том, что я беспокоюсь обо всем и вся. Она не осуждала меня за это. Не говорила мне, что я сумасшедшая — а я часто так думала, — не пыталась заверить, что если я просто «успокоюсь», все будет хорошо. Она принимала меня, оставалась невозмутимой, когда я не могла, и не вела себя так, словно я ипохондрик, которым я, мягко говоря, и являлась.

Конечно, она не понимала до конца, потому что мозг ее ежедневно не мучает. По крайней мере, не так, как у меня. Моя жизнь постоянно прерывалась беспокойством. Охваченная тревогой и паникой.

— Ничего, — слабо ответила я. Я смутилась от своей реакции. Не хочу быть такой.

Я не страдала от плохого здоровья. Я не бежала к врачу или в отделение неотложной помощи, не лежала в постели день за днем со своими воображаемыми болезнями. Нет, я продолжала функционировать, просто тихо вращаясь по спирали, пока не умру от тромбоэмболии легочной артерии. Это единственный способ уменьшить беспокойство... продолжать жить до следующей волны паники, до следующей болезни.

Я не хотела привлекать к себе внимание, хотя моя мама думала, что именно отсюда возникла эта маленькая причуда. Я была последним человеком во всем мире, который активно хотел бы внимания.

Не так, как Фиона. Даже при том, что она не хотела и не стремилась к этому, она привлекала внимание естественным образом и процветала за счет этого. Расцветала как цветок в ситуациях, когда люди тянулись к ней, как пчелы к меду.

В то время как я съезживалась, стараясь выглядеть как можно меньше.

Я вздохнула, глядя на кексы, которые покрывала шоколадно-арахисовым маслом с помадной глазурью. Я назвала их особенными для ПМС, потому что они были идеальной степенью шоколадности и сладости и успокаивали нервы. Я была уверена, что потакать этой тяге, потребляя большое количество сахара, масла и шоколада, — не лучший способ удовлетворить гормоны. Следует есть орехи, фрукты, смузи... что угодно.

Как бы сильно я ни верила, что здоровый образ жизни — это лекарство от многих болезней, и что обработанные пищевые продукты, полные сахара, химикатов и консервантов, являются причиной многих наших проблем со здоровьем, я также верила, что немного шоколада не повредит.

Кроме того, я импортировала все свои ингредиенты из Франции. По словам моего бухгалтера, это дорого и совсем не отвечало финансовым требованиям, но нельзя отрицать, что ингредиенты более полезны, без добавок, как в США. Как только попробуешь, почувствуешь разницу.

Весь мой бизнес был сосредоточен на вкусе. И это того стоило, потому что люди буквально путешествовали через всю страну, чтобы купить эти кексы. Люди платили непомерные сборы за доставку, чтобы их изготовили, отправили в упаковке с климат-

контролем на грузовиках, чтобы они прибыли свежими на следующий день.

— Да, я закончила, — сказала я, переводя взгляд с кексов на Фиону.

Ее глаза вспыхнули, когда она посмотрела вниз.

— Тебе лучше никуда их не отправлять и не выставлять на продажу, пока я не съем хотя бы пару штук.

Я ухмыльнулась, наклоняясь, чтобы взять тарелку, приготовленную для нее.

— Я уже подумала наперед, — я подмигнула, вытирая руки о фартук, по привычке проводя по щеке тыльной стороной ладони.

Хотя я пекла много лет — практически всю свою жизнь, — я все еще не достигла совершенства в искусстве выглядеть как Найджелла Лоусон, закончив готовить, похожей на богиню. Нет, мои темно-рыжие волосы обычно выбивались из тугого пучка на макушке, шоколад пачкал кончики пальцев, а мука оказывалась... практически везде.

Когда я впервые открыла пекарню пять лет назад, я очень старалась быть не только пекарем, но и лицом заведения, кропотливо создавая свой внешний вид после нескольких часов, проведенных на кухне. Я сражалась со своими локонами, пытаюсь собрать их в гладкий пучок. Я пыталась накраситься, размазывая тоналку по своим веснушкам, носила белые платья, которые подчеркивали мои значительные изгибы...

Но все быстро шло прахом.

Невозможно носить белое и быть пекарем. Или, может быть, другие пекари могут.

Я не совсем тот человек, который стал бы расхваливать себя, но даже я не могла избежать бешеного успеха своего бизнеса и своей еды, поэтому знала, что я хороший пекарь. Может быть, даже великий. Но я неаккуратная, несобранная и неорганизованная, как многие мои сверстники в кондитерской школе. Во всех остальных аспектах своей жизни я была дотошна, осторожна, целеустремленна. На кухне — нет. Конечно, я придерживалась правильных пропорций — по крайней мере, большую часть времени, — но в остальном я была подобна урагану.

В школе я получила прозвище «хаотичный пекарь», которое было подходящим способом описать меня.

Попытки бороться с этим почти свели меня с ума, поэтому я приняла хаос и больше не пыталась выглядеть идеально. Мои волосы были чистыми, расчесанными и немного волнистыми. Макияж остался в прошлом. Ближе всего мне подошел клубничный бальзам для губ, который я наносила после того, как вытирала муку с лица, и, если у меня было дополнительное время утром, я наносила тушь, чтобы подчеркнуть свои большие зеленые глаза.

Фиона облокотилась на арку между кухней и передней частью дома, рассматривая меня из-под идеально ухоженных бровей.

Фиона, несмотря на то, что целый день обслуживала клиентов, выглядела так, словно только что сошла с подиума или со съемок в журнале «Sports Illustrated». Ее светлые волосы падали на плечи идеальными пляжными волнами, которые никогда не путались, никогда не торчали вверх и всегда выглядели намеренно взъерошенными. Ее загорелая кожа всегда сияла, как будто она только что провела неделю, загорая на Карибах, даже в разгар зимы. Она была высокой, намного выше меня, а я метр шестьдесят семь, и у нее были изгибы, которые бросали вызов самой физике. Вдобавок ко всему, она была сладкоежкой, что должно было нанести ущерб этим изгибам, но только улучшило их.

Несмотря на то, что на ней была только простая белая футболка и поношенные синие

джинсы, она носила простые наряды, как будто это настоящая мода.

Мне нравилось думать, что толпы мужчин, которые часто посещали пекарню, пришли из-за моих превосходных навыков выпечки — что, я была уверена, было одной из причин, — но я знала, что Фиона была важным ингредиентом, привлекающим мужчин за пределами моей целевой аудитории. Те, кого вряд ли привлекли бы шоколад, арахисовое масло и круассаны с маслом — лучшие за пределами Парижа.

— Ты уверена, что не хочешь рассказать? — спросила она, скрестив руки на пышной груди. Черное кружево ее бюстгалтера просвечивало сквозь тонкий белый материал, выглядя сексуально, шикарно и в то же время непринужденно.

Я бы никогда не смогла так. Хотела бы я быть сексуальной. Лучшее, что я могла — покраснеть от смущения.

Я носила брюки с завышенной талией из Парижа. Заказала их, потому что они никогда не мялись, идеально облегли мое грушевидное тело, были достаточно удобны, чтобы носить их весь день, и придавали мне наполовину презентабельный вид. Мои шифоновые блузки были такими же. Женственные, с нежными цветочными принтами, ткань не облегла изгибы, как это делали дешевые вещи.

— Уверена, — сказала я Фионе, расправляя плечи и пытаюсь отогнать мысли о тромбе. После того, как я страдала этим недугом всю свою жизнь, можно подумать, что я очень хорошо умею убеждать себя, что умираю не от тромба или какой-то инфекционной болезни. Но меня практика не привела к совершенству.

Я не научилась убеждать себя, но я чертовски хорошо научилась скрывать это от широкой публики.

Фиона стояла, как будто покупатели не ждали у прилавка. Вероятно, потому, что она знала, что они не будут злиться, раздражаться или гневаться. Фиона умела очаровывать даже самых трудных клиентов. Невозможно раздражаться на женщину с очаровательным акцентом, ярко-голубыми глазами и теплым магнетизмом, который исходил из самых ее пор.

Я еще не встречала никого, кто был бы невосприимчив к ее чарам.

— Ты не выглядишь уверенной, — подтолкнула она.

Фиона, которая была бесконечно терпелива и заботлива, не находила эту часть моей личности раздражающей, странной или отталкивающей. А мой бывший жених именно так и думал. Что, как я предполагала, было нормальной реакцией. Я ненавидела иметь дело со своими собственными паразитами; я не могла ожидать, что кто-то другой — даже мужчина, который должен был любить меня безоговорочно, — захочет иметь с ними дело.

Я вздыхаю, сдувая с лица непослушную прядь волос.

— Я уверена, что клиенты хотят знать, убьют их маффины или нет, — сказала я ей. — А теперь, пойдём.

— Тебе нужно потрахаться, — Фиона поджала губы, когда я протиснулась мимо нее и направилась к выходу.

Несмотря на то, что я проводила здесь каждый божий день в течение последних пяти лет, влияние пекарни на меня не притупилось. Ни в малейшей степени.

Окна внизу были матовыми, но в верхней половине открывался вид на прекрасное побережье Новой Англии{?}[Регион на северо-востоке США, включающий в себя следующие штаты: Коннектикут, Мэн, Массачусетс, Нью-Гэмпшир, Род-Айленд, Вермонт. Граничит с Атлантическим океаном, Канадой и штатом Нью-Йорк.]. Интерьер был

выкрашен в нежно-розовый цвет, настолько мягкий, что постепенно переходил в бежевый, создавая тепло, которое заставляло меня чувствовать себя уютно даже в разгар зимы. Стены были заставлены разномастными винтажными рамами и картинами, которые я купила в комиссионных магазинах. Столы были круглыми, более темного оттенка розового. Стулья были бархатными, удобными, приглашавшими клиентов задержаться на некоторое время. С потолка свисали круглые подвесные светильники, контрастирующие с ярко-зелеными подвесными растениями, которые Фионе удалось сохранять живыми. На стене светилась розовая неоновая вывеска с надписью «Хаотичный пекарь».

Стеклянная витрина с хлебобулочными изделиями была огромной и изобиловала пирожными, тортами, печеньем и сладкими начинками. По всей поверхности были разбросаны корзины со свежей выпечкой.

На прилавке стояли подставки для тортов, все они в это время дня были наполовину заполнены шоколадными пирожными с помадкой, яблочными пирогами и клубничным коржом.

Наша кофемашина, привезенная из Италии, потому что я знала важность хорошего кофе, а то в США нам промыли мозги, заставив думать, что кофе продается в пакетиках возле кассы. Я выкрасила ее в розовый цвет, и «Хаотичный пекарь» было написано моим собственным почерком на боковой части.

Сердце замедлилось, когда я подошла к прилавку, заверила терпеливого покупателя, что мои маффины не убьют его, а затем приготовила заказ.

Мало что могло успокоить меня, когда я была на взводе, но запах, ощущение, ритм пекарни, которую я создала, помогали.

Хотя мне нравилось находиться в задней части, заниматься выпечкой, что позволяло мне чувствовать себя в безопасности и уюте, иногда приятно отвлекаться на проходящих клиентов, теряясь в спокойном ритме светской беседы, приготовления блюд и заказов на вынос.

Мои опасения по поводу здоровья рассеялись с моей собственной версией шума и суеты в пекарне.

Город Юпитер был маленьким, сонным приморским городком, в котором, как правило, жили поколения жителей, которые заботились друг о друге, делали небольшие покупки и имели склонность к сахару и кофе.

В дополнение к этому, наш город был очаровательным и живописным, поэтому практически в любое время года здесь много туристов. И мое заведение было в списке городских достопримечательностей, которые обязательно нужно увидеть, в каждой брошюре в каждой гостинице, пансионе и отеле.

А еще мы были популярны в социальных сетях. Фиона позаботилась обо всем этом, так как я питала отвращение ко всем видам технологий. Она считала безумием то, что у меня нет собственных соц. сетей. Только она делала нас популярными на платформах.

Она всегда снимала, как я пеку или украшаю торты. Меня это устраивало, пока она не сказала мне «приспустить декольте», тогда я запретила ей размещать меня на каких-либо фотографиях или видео.

Мне определенно не нужен такой бизнес.

В любом случае, мы были заняты. Постоянно заняты. Но даже у стабильно загруженных, успешных пекарен случались затишья.

Поскольку я была скрупулезна в отношении задач, графиков и чистоты, в указанные

периоды затишья особо ничего не нужно было делать. Печенье, приготовленное для детей после школы, которые заходят сюда с мамами, уже были в духовке. Прилавки вымыты. Посудомоечная машина работала. Тарелки убраны со столов. Коробки с едой на вынос заполнены.

Свободное время.

Это враг, с которым я обычно сражалась.

Свободное время означало размышления. Размышления означали переосмысление того, что я ранее считала разумными решениями, или убеждение себя в том, что у меня опасное для жизни состояние здоровья.

На сегодня у меня уже был загон, так что теперь пришло время для принятия сомнительных решений.

— Я допустила ошибку? — спросила я себя тихим голосом, прикусив губу, когда упаковывала торт. Провела рукой по надписи: логотип «Невинные удовольствия — еда без морали», выполненный ярко-розовым наклонным шрифтом, под ним маленький ангелочек, поедаящий кекс. Под ним мелким шрифтом с засечками было написано «Хаотичная выпечка».

Мои глаза нашли глаза Фионы. Она прислонилась к столешнице из розового гранита, слишком дорогая, но стоила каждого пенни.

— Из-за того, что рассталась с ним? — уточнила я.

— Блять, нет! — громко ответила она.

Я быстро поспешила к стойке, чтобы отдать пожилой паре их торт, улыбаясь в знак извинения за вспышку гнева моей сотрудницы — но почему-то, казалось, никого это не обидело, потому что она выругалась милым акцентом.

— Он был куском дерьма, — продолжила Фиона, разглядывая свои ногти. — Он заботился только о себе, но притворялся, что ему на тебя не насрать... хотя было о чем беспокоиться. Например, о том, чтобы доставить оргазмы, которых ты заслуживаешь, а это, моя дорогая, чертовски важно.

Мои щеки вспыхнули, когда я огляделась, благодарная за затишье, все наши клиенты сидели за столиками, вне пределов слышимости.

Фиона, со своей стороны, нисколько не стеснялась обсуждать оргазмы — разумеется, мои, а не ее — на рабочем месте.

— Да, но он был красив, имел стабильную работу, у него есть свой дом, — я отчеканила качества, мой желудок скрутило от беспокойства. — Он хорошо относился к своей матери... — я изо всех сил старалась найти больше положительных примеров. — Я никогда не видела, чтобы он сбивал собаку на машине, — слабо предположила я.

Фиона закатила глаза.

— О, вау, он был порядочным человеком, который не убивал животных. И все, детка? — она покачала головой. — Нет. Он вел себя как мудака, когда ты мягко сказала ему, что нужно приложить немного больше усилий в сексе. Вероятно, слишком мягко, — добавила она, прищурилась, зная меня слишком хорошо.

Я правда мягко сказала ему об этом. С такими же пылающими щеками, как сейчас, со смутным ощущением, что меня сейчас вырвет, с потом, собирающимся под мышками, и сердцем, грохочущим в груди.

Мне не нравилось спорить. Вообще. Мне пришлось заставлять себя завести этот разговор, около трех недель, размышляя об этом, пытаюсь убедить себя, что на самом деле

это не важно. Конечно, именно Фиона подтолкнула меня и пресекла мои попытки отрицать, сказав: «Да, это чертовски важно, и настоящий мужчина не против разговоров о сексе и потребностях своей женщины».

— Ты же донесла до меня, что ты не просто вещь, ты женщина с желаниями, с потребностями, — продолжила Фиона, ее глаза пылали яростью ко мне.

Она защищала меня, хотя была на два года младше и технически моей сотрудницей.

— Но...

— Нет, — перебила она. — Никаких гребаных «но». Когда ты попыталась сказать ему, чего хочешь, он взорвался, выжал из тебя все дерьмо, а потом сказал, что тебе лучше купить вибратор, потому что он не собирается меняться.

Я прикусила губу. Черт, он правда сказал это.

Я похолодела при одном воспоминании о тоне, которым он говорил со мной, о безразличии, с которым он произнес эти слова. То, как он пытался повернуть разговор, пристыдить меня, пытался заставить меня чувствовать себя сумасшедшей, требовательной.

На самом деле я не из тех девушек, которые злятся, и тогда я даже не была зла, а шокирована... и задета. Глубоко, очень глубоко задел меня тот момент. От того, что кто-то, кого ты любишь, говорит с тобой таким тоном, перехватывает дыхание. Выбивает дух борьбы.

Ну, я предполагала, что это не отнимет силы у такой женщины, как Фиона. Она никогда не позволила бы мужчине говорить с ней подобным образом. Черт, она бы даже никогда не сказала «да» мужчине, который недостаточно заботился о ней, и не удовлетворял ее потребности.

Фиона наклонилась, чтобы смахнуть немного глазури с кекса, слизывая с пальца.

— Видишь ли, самое худшее в мужчинах — это то, что они хотят сделать абсолютный минимум, а мы относимся к ним, как к богам, — сказала она. — Они притворяются тупыми, когда говоришь им, что ты не кончила за две минуты секса — кстати, без прелюдии, — затем обижаются, когда обсуждаешь это с ними, потому что они маленькие манипулятивные ублюдки.

Ее темные брови в ярости сошлись вместе, она съела еще глазури. Я знала, что лучше не прервать ее, когда она была в ударе.

— На самом деле они достаточно умны, знают, конечно, что ты не кончишь без прелюдии и двух секунд проникновения, — она закатила глаза, прежде чем сузить их, глядя на меня. — Твой бывший кусок дерьма злился не из-за этого; он злился из-за того, что ты указала на это. Потому что ты разрушила его дерьмовую фантазию о том, что у женщины не должно быть реальных потребностей и желаний. Все ваши гребаные американские комедии с тупым, жирным мужиком и секси-женой, с которой они обращаются как с дерьмом, говорят им, что у женщин нет потребностей. Думают, что мы существуем для них. И если мы осмеливаемся сообщать о своих потребностях, мы стервы, наши ожидания слишком высоки, мы читаем слишком много любовных романов... какого хрена, — она махнула рукой, несколько не обеспокоенная тем, что только что вошли два посетителя. Два посетителя мужского пола, которые теперь были в пределах слышимости и смотрели на Фиону в равной степени с благоговением и страхом... Заслуженно.

Глаза Фионы метнулись к ним, и она усмехнулась.

— Но на самом деле они боятся, что женщина не просто знает, чего она хочет, но и достаточно наглая, чтобы требовать этого, — она пожала плечами. — Ну, еще они просто

чертовски ленивы. Хотят кончить с наименьшими возможными усилиями, и если ты тоже кончишь, это будет лишь бонус, а не цель. Тебе будет лучше без этого придурка. Тебе нужен парень, который доставит тебе такой сильный оргазм, что ты не сможешь ходить в течение часа.

Она повернулась лицом к прилавку.

— Итак, что вам предложить, парни?

Только после того, как я упаковала заказы для мужчин, поняла, что Фиона ловко отвлекла меня от тревожных мыслей по поводу болезни.

===== Глава 2 =====

Фиона по-настоящему успокоила меня из-за решения разорвать помолвку за два месяца до свадьбы.

В любом случае, не то что бы я действительно сомневалась в этом.

Я знала, что приняла правильное решение.

Несмотря на то, что у меня неделями была крапивница из-за волнений, что подумают люди, кого я подвела и так далее, и тому подобное. Я ненавидела конфликты. И отмена свадьбы, до которой оставалось всего несколько месяцев, которую организовала моя будущая свекровь — которая управляла городом или, по крайней мере, думала, что управляла, — была, пожалуй, самым конфликтным моментом в моей жизни. И заставила бы самого уравновешенного человека испытывать тревогу.

Отсюда и сыпь.

И бессонница.

Приступы паники.

Но я сделала это.

И несмотря на мои опасения в моменты слабости, я очень гордилась собой.

Почти все внесенные депозиты были возвращены, и я заплатила за издержки. Все мои друзья поняли. Женщина, которая, к счастью, никогда не станет моей свекровью, наконец-то перестала оставлять неприятные сообщения на автоответчике.

К сожалению, мужчина, за которого я должна была выйти замуж — фактически, сегодня — не радовал меня своим поведением.

Нейтан тоже оставил свою изрядную долю неприятных сообщений, но теперь он перешел к «попытке вернуть меня», ритуалу, с которым я была знакома. Когда я впервые сказала ему, что не счастлива или удовлетворена в спальне, у нас была ужасная ссора, где он сказал несколько действительно неприятных, обидных вещей.

Хотя меня можно было считать почти тряпкой — было ясно, что именно так он думал обо мне, — даже у меня был характер, поэтому я порвала с ним тогда же. Это было первое расставание. И оно продолжалось неделю. Неделю он пресмыкался, покупал подарки, признавался мне в любви, давал обещания.

Потом у нас был секс по принуждению, секс, который мне действительно понравился. Это означало, что он услышал, что я сказала, и собирался измениться.

Вот только он этого не сделал.

Менее чем через неделю он вернулся к старым привычкам.

Всего неделя.

Как будто он думал, что двух оргазмов и подобия усилий с его стороны достаточно, чтобы я забыла о своих потребностях. Или, может быть, он не хотел, чтобы я забывала. Я много думала и пришла к выводу, что он хотел, чтобы я подавляла эти потребности. Стала

похожей на одну из тех шаблонных жен в ситкомах, которые читают любовные романы, прячут вибраторы от мужей, используют их в одиночестве, и выпивают бутылку вина за ночь, чтобы притупить реальность того, что мужу наплевать на их мечты. Якобы мы нужны лишь для удовольствия или продолжения рода.

И я тоже почти стала такой. Я сомневалась в себе. Я почти поверила, что именно такими и бывают настоящие отношения. Вымысел есть вымысел. Секс, страсть, желание не обязательно должны быть важны. Постепенно я отрезала от себя кусочки, отключила те части, которые не могла отрезать, и подавила все эти чувства.

Я неустанно пекла, ела сырое тесто для печенья, не спала до рассвета, читая страстные романы, притворяясь, что я одна из тех героинь, которым поклоняются герои во всех отношениях. Я пила больше вина, чем следовало. Улыбалась сквозь слезы и притворялась, что не начинаю ненавидеть мужчину, с которым должна провести вечность.

Потом осознала, что больше не могу.

Поняла, что если буду продолжать в том же духе, то превращусь в озлобленную, грустную и сердитую женщину.

Отменила свадьбу.

Теперь ела меньше теста. Однако не отказалась полностью, потому что какой была бы жизнь без сырого теста для печенья?

Конечно, я читала любовные романы, потому что они были потрясающими, но больше спала. И я все еще пила вино, но делала это не для того, чтобы убежать от реальности; я делала это, запивая хорошую еду, наслаждаясь хорошей компанией.

И ни за что не собиралась позволять пресмыкаться перед Нейтаном.

Я нажала отклонить, когда его имя вспыхнуло на экране телефона, лежащего на прилавке.

Тина, еще одна из моих давних сотрудниц, оторвала взгляд от нашей эспрессо-машины и хмуро посмотрела на мой телефон.

— Почему ты еще не заблокировала его? — спросила она своим глубоким, хриплым, деловым тоном.

Тина была намного старше меня, она ездила на мотоцикле «Харлей Дэвидсон» и любила рок-н-ролл, носила футболки своей группы, вся в пирсинге, и с татуировками на обеих руках, а еще любила зажигать под «Iron Maiden» и «The Clash», когда включала плейлист «Для пекарни». Тина, как и Фиона, ругалась как матрос и ни от кого не принимала дерьма.

Тина также очень любила свою жену Тиффани. Да, Тина и Тиффани.

Тиффани любила все розовое. И леопардовый принт. И искусственный мех. Ее волосы были обесцвеченными, и всегда покрыты лаком. Я никогда не видела ее без ярко-розового блеска для губ.

Я бесконечно любила и Тиффани, и Тину. Они были вроде моих суррогатных родителей... или старших сестер, потому что Тиффани сказала мне, что утопит в океане, если я намекну, что она годится мне в матери.

— Я не могу помешать ему, — вздохнула я, раскладывая миндальные круассаны, которые только что вынула из духовки.

Сначала я испекла одну порцию утром, и все. За исключением того, что они были распроданы в течение тридцати минут после открытия, и ситуация обострилась, когда клиенты узнали, что их не хватает на всех.

Итак, теперь я приготовила порцию утром и еще одну днем. Чтобы обуздать беспорядки.

Честно говоря, эти круассаны были не от мира сего. Я уехала в Париж на три месяца, чтобы научиться их совершенствовать. Они были легкими, пышными, с печеным миндалем сверху и сливочно-заварной начинкой из миндального крема.

— Да, ты можешь, блять, заблокировать его. Не будь милой с этим ублюдком, — вмешалась Фиона, поджав губы. — И ты даже не пытаешься быть милой, ты говоришь так, потому что не знаешь, как пользоваться своим телефоном, — отметила она с усмешкой.

Мои плечи напряглись от того, как хорошо она смогла прочесть меня и насколько я была совершенно безнадёжна. Да, я не заблокировала его, потому что не знала, как это сделать. И потому, что это казалось грубо по отношению к мужчине, с которым я ранее обещала провести остаток своей жизни.

— Дай мне свой телефон, — потребовала Фиона, протягивая руку. — Я прослежу, чтобы...

Но я перестала двигаться. Перестала дышать.

— Тссс, — прошипел я, махнув на нее рукой. — Мой пришел.

Ее глаза метнулись к входу, как будто она только что поняла, что он вошел в дверь.

В ту секунду, когда он открыл ее, воздух изменился. Стал заряженным. Волосы на тыльной стороне моих рук встали дыбом. Мой желудок скрутило от предвкушения и нервов. Ладони стали липкими.

Как будто вся атмосфера изменилась. Как будто мир перестал существовать.

Конечно, на самом деле это не так. Тина продолжала хмуро смотреть на кофеварку для эспрессо — ту, к которой она ежедневно заявляла о своей вечной ненависти, клиентка в углу яростно печатала на своем ноутбуке — она писала роман о зомби, одновременно потягивая чашку чая. Мэдди, завсегдагай, кричала на всех, с кем разговаривала по телефону, пока ждала свой капучино с обезжиренным молоком.

Но клиенты все равно обращали на него внимание.

Нельзя не заметить сурового Адониса, входящего в девчачью пекарню. Мужчина с таким количеством тестостерона не мог зайти в пекарню, украшенную как домик Барби. Неоновые вывески. Нежно-розовые тона. Изящные чайные чашки. Искусный латте.

Но он ходит сюда. Каждый день. Ну, не каждый. Он не приходит по выходным. За исключением того единственного раза, три недели назад, в субботу.

Он был мускулистым строителем, всегда покрытым краской, грязью или копотью, и носил это так, как будто это гребаная часть его образа. Наверное, уставал до чертиков. Его темно-русые волосы выбивались из-под бейсболки. Снимал ее всякий раз, когда подходил к стойке, жест был странно старомодным и одним из многих его маленьких жестов, по которым я тащилась. Например, как он сердито смотрел на всех по умолчанию, но подмигивал маленьким детям, если они стояли позади него в очереди, и открывал дверь для всех.

На его угловатой челюсти всегда была темная щетина. Она так и не превращалась в густую бороду. Он всегда был грубым, неотесанным, мужественным... Мои пальцы зачесались от желания провести руками по этой щетине.

Его глаза были голубыми. Поразительно голубыми. Как у гребаной сибирской хаски. Я смотрела в них всего несколько раз, хотя он посещал пекарню каждый будний день.

Пять дней в неделю он мучил меня своим чисто мужским очарованием. А у меня

каждый раз была нелепая реакция.

— Знаешь, нельзя называть кого-то своим, если ты никогда раньше с ним не разговаривала, — прокомментировала Фиона, не сводя с него глаз, когда он занял место в конце небольшой очереди.

— Я говорила с ним, — прошипела я, мои глаза метнулись вниз к кексам, которые я раскладывала на подносе, прежде чем он смог взглянуть в мою сторону.

— Спрашивать «наличные или карта?» не считается, — сухо возразила она.

Я знала, что она все еще смотрела на него без стыда. Фиона могла пялиться на кого угодно, черт возьми, потому что ей было комфортно в своей собственной шкуре. Потому что она была великолепной кинозвездой, но ее никто не ненавидел, потому что она была очень приземленной, дружелюбной и уверенной в себе. Все хотят быть ее лучшей подругой.

Она как Блейк Лайвли.

Фиона была моей лучшей подругой и оправдала все ожидания, которые можно возложить на нее с первого взгляда. И она превзошла их.

— Ты больше не помолвлена, — продолжила она, все еще глядя на него.

Мой же взгляд метался от него, когда он подходил слишком близко — когда эти глаза встречались с моими. А Фионе совсем не беспокоилась о том, чтобы встретиться с ним взглядом или чтобы он заметил, что она смотрит на него. Она не беспокоилась о том, что он подумает, будто она ненормальная маньячка. Потому что ни один мужчина не подумал бы, что Фиона маньячка, если бы она пялилась на него; он бы подумал, что Бог каким-то образом ниспослал ему удачу, и скорее всего, растаял бы в луже мужской грязи, готовый и желающий сделать все, чтобы она стала его.

Я знала это, потому что замечала подобное. Много раз со многими мужчинами. Все они падали к ее ногам. Те, кто не был женат или геем, хотя разочаровывающее количество женатых мужчин тоже незаметно пытались упасть к ее ногам.

Фиона не связывалась с женатиками. С остальными она была более чем счастлива пошалить.

Но этот мужчина, этот мужчина, которого я желала задолго до того, как расторгла помолвку, мужчина, на которого я смотрела, о котором фантазировала и от которого убегала, когда он приближался к прилавку... он не упал к ногам Фионы.

Я знала это, потому что, когда она подавала ему, я подглядывала за ними с кухни. Когда он только заходил, она пыталась взмахнуть ресницами, просто будучи богиней секса, ведь любой, кого привлекает мужской пол, переступил бы через себя, чтобы попытаться подобраться к этому мужчине достаточно близко, чтобы лизнуть его бицепсы.

Но он, казалось, был невосприимчив к чарам Фионы. Первый человек в истории. Обижаясь, что мужчина не запал на нее, она клялась, что он гей.

Потом восприняла незаинтересованность как вызов, усилила свой флирт безрезультатно... пока не поняла, что я была без ума от него. Она поняла это из-за того, как вся моя грудь, шея и лицо краснели, когда я была вынуждена взаимодействовать с ним, когда я практически убегала на кухню, когда он приходил, бормотала о включенных духовках.

Затем, поскольку Фиона была моей лучшей подругой, она немедленно прекратила флирт и сменила тактику, неустанно пытаясь заставить меня начать флиртовать, даже когда я была помолвлена с Нейтаном. Она дала мне отсрочку, когда я разорвала помолвку и превратилась в нечто вроде беспорядка, позволяла мне убегать в подсобку всякий раз, когда он входил.

Сейчас я именно это собиралась сделать, после того, как еще несколько секунд купалась в его близком присутствии.

Я сделала глубокий вдох, представляя, что чувствую его запах... мужской мускусный, соленый, уличный аромат, который не смог бы воспроизвести ни один одеколон. В тех немногих случаях, когда я находила в себе достаточно смелости, чтобы по-настоящему пообщаться с ним, я вдыхала этот аромат. От этого у меня слабли колени.

Или, может быть, дрожь была вызвана его взглядом, устремленным на меня, таким пристальным, таким нервирующим, что было невозможно поддерживать зрительный контакт.

Он мне снился. Этот запах. Даже когда Нейтан лежал в постели рядом со мной, пахнувший дорогим лосьоном после бритья и соответствующим средством для мытья тела, которое я стала презирать.

Это ненормально... для меня быть увлеченной мужчиной, с которым было лишь скудное количество взаимодействий. Который, вероятно, едва знал о моем существовании. Может, его напряженный взгляд был просто дефолтом.

Роуэн Деррик был довольно известен в Юпитере. Не только из-за успешного строительного бизнеса, который он открыл со своим лучшим другом Кипом, но и потому, что все хотели, чтобы два мускулистых, крутых, суровых, безумно красивых мужчины работали над их домами. Кип был известным ловеласом. И очень красив, это точно. Грязные светлые волосы, которые всегда были взъерошены. Поразительные зеленые глаза. Высокий. Дерзкая ухмылка. Очарование исходило от него так же легко, как дыхание.

Я оценила все это. Но на расстоянии. Но от Роуэна мои внутренности скручивались.

Интересно, что Кип и Фиона никогда не спали, несмотря на то, что оба были потрясающе привлекательны. Может быть, именно поэтому... ведь они слишком похожи.

Однако в данный момент это не имело значения.

— Я пойду... — я указала на кухню. — Проверю сколько муки осталось, — неуверенно сказала я, мои глаза намеренно избегали места в очереди, которое он занимал.

— Нет, — ответила Фиона, отступая назад и поднимая руки со злой усмешкой. — Мне нужно пойти на перерыв.

Мои ладони начали потеть, когда клиент подошел к кассе.

— Нет, тебе не нужно идти на перерыв, — сказала я ей, мой пульс участился.

Она наклонилась ко мне, уперев руки в бедра.

— Да, нужно. Таков закон. Я могу подать на тебя в суд, — она целенаправленно посмотрела на место в очереди, которое я старательно избегала. — Ты должна начать делать что-то для себя, детка, — затем она подмигнула и неторопливо ушла.

Я уставилась на нее с недоверием и ужасом.

Паника подступила к горлу, когда я на автопилоте разобралась со следующим клиентом. Я посмотрела на Тину, которая стучала по кофеварке.

— Давай я, а ты встанешь на кассу? — предложила я, мой голос был сухим и хриплым.

Он становился все ближе в очереди.

Тина взглянула на меня с огоньком в глазах. Обычно она бы с благодарностью переключилась, так как у нее была любовно-ненавистная ситуация с машиной, и сегодня она была в фазе ненависти.

— Неа, — она ухмыльнулась. — Думаю, пришло время.

Затем она снова обратила свое внимание на машину, не оставив мне другого выбора,

кроме как продолжать обслуживать клиентов. Я подумывала просто оставить их там и убежать, но, хотя я, возможно, была немного эксцентричной, взбалмошной и встревоженной, я также была деловой женщиной, которая не стала бы вот так просто бросать клиентов.

Я расправила плечи, стараясь изобразить на лице улыбку, и продолжила работать, когда он подошел ближе. Я очень тщательно упаковывала торты, кексы, круассаны... это заняло гораздо больше времени, чем обычно. Но потом Анджелина — подросток, которого мы наняли обслуживать столики и разносить еду, — взяла все на себя, не оставив мне другого выбора, кроме как просто принимать оплату.

Слова Фионы эхом отдавались в моей голове, когда я отдавала сдачу последнему покупателю, моя рука дрожала в ожидании следующего.

Я положила ладонь плашмя на стойку, чтобы скрыть дрожь и успокоиться.

«Это нелепо», — подумала я. — «Ты даже не знаешь этого человека. Ты ведешь себя как влюбленный подросток только потому, что у него хорошая структура костей. И обезоруживающие черты. И темные волосы, которые вьются из-под бейсболки, надетой задом наперед. И широкие плечи. И завораживающие серебристо-голубые глаза. И руки. Большие. С длинными пальцами. Чистые, но всегда в крапинках краски. Если бы они прошли по моей коже, я бы ощутила его мозоли».

Мои глаза встретились с его серебристо-голубыми.

Как всегда, его челюсть была покрыта щетиной.

Его рот идеальной формы, эти губы никогда не поднимались вверх в усмешке, но и не опускались вниз. Он был суровым, мужественным и мрачным, но не совсем ужасающим. Ну, я была уверена, что для широкой публики он был не совсем ужасающим. Для меня лично — да.

Мне пришло в голову, что он стоял передо мной по меньшей мере тридцать секунд, а я не сказала ни слова. Я просто смотрела на него, на его челюсть, на его губы.

Честно говоря, он тоже ничего не сказал. На самом деле, он тоже смотрел на меня. Мои соски затвердели под рубашкой так, что это было невероятно неуместно на рабочем месте.

Я должна что-то сделать.

Что-нибудь сказать.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты похож на Кейси? — выпалила я.

Он не ответил, просто моргнул один раз очень медленно, вероятно, задаваясь вопросом, не отдыхаю ли я от реальности.

— Из Йеллоустоуна, — быстро добавил я.

Еще один пустой взгляд.

— Сериал, — неуверенно продолжила я. — О ковбоях, — я забарабанила пальцами по столешнице, жалея, что не могу спрятаться под ней. — Ну, не только о ковбоях. В нем освещается коммерциализация семейных ранчо, кража земли у коренных американцев, и да, в нем достаточно крутых сцен и отличных романтических подзаголовков. Это лучший сериал на телевидении. Многогранный.

О боже мой, о чем ты говоришь?

Мои уши запылали от смущения, когда я маниакально замахала руками.

— Короче, он интересный. В тебе есть что-то от Кейси. Он бывший морской пехотинец, — почему я не могу просто заткнуться на хрен и попросить его заказать, но сейчас я слишком глубоко увязла.

Его брови были слегка нахмурены, а уголок рта приподнят в чем-то похожем на веселье.

Хотя я не могла сказать наверняка.

— Кейси щедро смешан с эстетикой Рипа, — продолжала я болтать. — На мой взгляд, Рип — лучший и самый сложный персонаж в сериале. У него трагическая предыстория, и он может быть безжалостным и жестоким, но при этом он нежен, добр и терпелив с Бет.

О боже мой, я хочу умереть.

Я всерьез подумывала о том, чтобы развернуться и убежать от прилавка, пройти через кухню, через заднюю дверь, сесть в свою машину и уехать из города, чтобы никогда не возвращаться.

Но я не могла бросить свой бизнес, свой дом. И в машине почти кончился бензин.

Так что я осталась на месте, вероятно, вся покраснела, определенно вспотела и совершенно унижена.

— Бет — крутая девчонка, — объяснила я только потому что, наверное, сошла с ума. — Она жестче любого мужчины и в десять раз умнее. Можно подумать, что у нее холодное сердце, но оно огненное для тех, кого она любит, — я продолжала барабанить кончиками пальцев по столешнице, слыша, как в ушах стучит мой пульс, а разумная, униженная часть меня кричит откуда-то из глубины, чтобы я заткнулась нахрен.

Хотя меня можно было бы считать несколько драматичной, я также была застенчивой. Даже робкая, говорил Нейтан. Я не болтала о персонажах моего любимого сериала совершенно незнакомым людям.

И все же, вот она я.

Хоть убей, я не могла придумать, что еще делать в тот момент, кроме как пялиться на мужчину, которого я несколько месяцев считала своим притворным парнем и который, скорее всего, никогда больше сюда не придет, потому что к нему пристала сумасшедшая владелица.

Я заставила себя сжать губы, изо всех сил вцепившись в стойку, ожидая, что он что-нибудь скажет. Может быть, что-нибудь вежливое, или, надеюсь, он просто проигнорирует меня вообще, сделает свой заказ, лишь бы я заняла руки, а не пялилась на него как идиотка.

— Я, скорее Рип, а ты можешь быть похожей на Бет? — его голос был низким, хриплым, но в нем сквозила теплота. Теплота, которая зажгла огонь у меня в животе и в местах гораздо ниже.

Господи. Блять. Помилуй.

Он только что это сказал?

Он только что это сказал.

Я разразилась взрывом смеха, который звучал так, словно исходил от истеричного подростка.

— У меня есть несколько сарафанов и пара ковбойских сапог, потому что я девушка со Среднего Запада, но это самое близкое, что у меня есть от Бет, — сказала я, стараясь говорить небрежным, шутливым тоном, но потерпев неудачу.

Очень хотелось, чтобы меня земля поглотила.

Он продолжал смотреть на меня с теплотой в завораживающих глазах, слегка приподняв пухлые губы.

— Хотел бы я посмотреть на эти сарафаны и ковбойские сапоги, — пробормотал он, не сводя с меня прозрачных глаз.

Мое сердце бешено колотилось в груди, ноги словно приклеились к полу, захваченные его пристальным взглядом. Я удивлена, что еще не растаяла в лужу.

Он только что сказал, что хотел бы видеть меня в сарафане и ковбойских сапогах. И он сказал это таким тоном, будто ему бы понравился тот сарафан и сапоги на полу его спальни. Эти слова были пропитаны сексуальным интересом.

Но это же безумие. Такой суровый, мужественный мужчина, как он, не мог заинтересоваться эксцентричной владелицей пекарни, которая болтала о телевизионных персонажах, практически боялась собственной тени, всегда думала, что от чего-то умирает, и вообще была просто полной дурой.

Нет, ему определенно нужна такая, как Бет. Сильная, сексуальная, непугливая.

— Я, эм... — я прочистила горло, глядя на Тину в поисках помощи.

Она перестала притворяться, что готовит кофе, и смотрела на нас двоих, скрестив руки на груди, с широкой улыбкой, за которую мне действительно хотелось ее возненавидеть.

Возьми себя в руки, Нора.

Я выпрямила спину и заставила себя посмотреть на него. Или, скорее, на общую форму его лица. Только бы не попасть в ловушку его взгляда. Эта ситуация запечатлелась бы в моем мозгу на всю оставшуюся жизнь.

— Черный кофе и миндальный круассан, верно? — спросила я его, постукивая по экрану.

Я думала, что сосредоточение на бизнесе избавит меня от смущения, которое вьелось мне в душу, пока не поняла, что я даже не спросила его о заказе. Я дала понять, что запомнила его предпочтения. Я не просто запомнила, я знала, что в определенное время он заказывал разное. Круассан с утра, если они были распроданы, то лимонно-маковый маффин. Круассан в дневное время, если он не купил его утром. Иногда он приходил за пирожными, если был почти вечер. Я никогда не видела, чтобы он покупал печенье. Однажды он заказал кекс. С лимонным творогом. Ему нравилось все со вкусом лимона. Не слишком сладкое.

Я собрала все маленькие лакомые кусочки о нем, копила их, как будто они потом пригодятся. Как будто они станут моими. Как будто он станет моим.

Нелепо... я действительно ужасна.

— То есть, чего бы ты хотел? — пролепетала я, моя грудь сжалась, между грудями выступили капельки пота.

Да, я обычно потела, когда по-настоящему нервничала. Что, конечно, заставляло меня нервничать еще больше, беспокоясь, что кто-нибудь заметит вышеупомянутый пот, и, следовательно, вспотею еще больше.

Так что теперь все, о чем я могла думать, это о том, что самый горячий парень на свете видит, как потеет моя грудь.

Контур его тела начали расплываться, когда я приготовилась к полномасштабной панической атаке из-за того, что я самая большая идиотка на планете.

Уголок его рта дернулся, а в глазах, возможно, блеснуло веселье. Но у меня также могли быть галлюцинации.

— Я буду черный кофе и миндальный круассан, — невозмутимо сказал он.

— А я возьму миндальный круассан, два печенья с орехами и белым шоколадом, еще брауни, — добавил мужчина, стоящий позади него, ухмыляясь от уха до уха.

Кип. Его деловой партнер.

Кип был блондином, почти как мальчишка, более загорелым, и у него было меньше энергии, чем у Роузны. Они не сочетались.

Я была бесконечно благодарна Кипу за то, что он напомнил мне, что в этом мире существуют и другие люди. Спасибо ему, ведь так я могу сосредоточиться на реальности.

— Хорошо, — сказала я, сосредоточившись на его дружелюбном и привлекательном, но не опасном лице.

— И латте, — продолжил он, все еще сияя блестящими глазами, переводя взгляд с меня на Роуэна. — С карамельным сиропом. И на овсяном молоке. Навынос.

Я кивнула один раз, смутно отметив, что это забавно и отчасти очаровательно, мачо-строитель заказывает латте на овсяном молоке и с карамелью.

Я раскладывала их выпечку в наши фирменные коробочки в розовую и белую полоску, уделяя особое внимание бантикам, которые завязала вокруг.

К сожалению, независимо от того, как долго я выполняла их заказы, в какой-то момент мне действительно пришлось их отдавать.

К тому времени, как я закончила, Тина уже приготовила им кофе, и руки обоих мужчин крепко сжимали наши розовые стаканчики.

Пальцы Роуэна были длинными, мужественными. До этого момента я не знала, что пальцы действительно могут быть мужественными. Эти руки выглядели бы такими большими и грубыми на фоне моей бледной кожи.

Почему я думала об этих руках на себе, можно было только догадываться.

Я встряхнулась и подтолкнула коробки через прилавок к мужчинам, не желая рисковать соприкоснуться с этими руками.

Слишком трусливая, чтобы смотреть вверх, я сосредоточилась на кассовом аппарате, постукивая по экрану дрожащими пальцами. Никто не произнес ни слова. Ну, никто в непосредственной близости. Конечно, люди в кафе разговаривали. «Florence and the Machine» пела из динамиков, насмехаясь надо мной всей своей божественной женской силой, с ее абсолютной уверенностью и сильной сексуальной энергией.

Я повернула терминал к Роуэну, поджав губы и снова опустив глаза.

В воздухе чувствовалась энергия, как будто атмосфера несла электрический заряд. Вполне возможно, что мне это померещилось... У меня очень живое воображение.

Вместо того, чтобы обратить свое внимание на терминал, как я хотела, он продолжал смотреть на меня, его глаза мерцали. Тот же самый сексуальный интерес, который звучал в его тоне несколько минут назад, просочился из потрясающих глаз.

Стоять становилось все труднее из-за дрожащих коленей. Я и не знала, что от пристального взгляда у меня могут задрожать колени. Я и не знала, что дрожь в коленях — это реальная вещь, которая случается в реальной жизни.

Я стояла, дрожа, потя и почти задыхаясь, черт возьми, из-за того, как этот мужчина смотрел на меня.

Это отличалось от тех разов, когда я раньше его обслуживала. Конечно, он был вежлив и сексуален, всегда смотрел мне в глаза, когда я набиралась смелости поднять взгляд. Но там не было ничего подобного. Не было никакого флирта.

Но опять же, раньше я тоже не болтала о Йеллоустоуне.

Тем не менее, я знала, что сейчас все по-другому.

На мгновение, ужасающее, но в то же время великолепное мгновение, я подумала, что он скажет что-то еще. Спросит меня кое о чем. О свидании. Или стать его девушкой... Как будто гребаный суровый, задумчивый альфа-самец действительно ко мне подкатит, перекинувшись парочкой фраз. Это было совершенно дико и нереалистично, но, тем не

менее, я так думала.

Я затаила дыхание.

Но затем он прервал зрительный контакт, переключив свое внимание на терминал и постучав по нему, без сомнения, дал мне обещание, которое давал каждый раз.

— Еще увидимся, — пообещал он, а затем они с Кипом, который подмигнул мне, развернулись и вышли.

Не знаю, разочарована я или испытала облегчение.

===== Глава 3 =====

Роуэн

— Ты попытаешь шанс? — спросил Кип, когда мы вышли из пекарни, и все мое тело напряглось, когда нас приветствовал свежий воздух. Больше не было запаха сахара с корицей... или какая там смесь дерьма, от которой у меня мышцы расслаблялись, а член вставал.

Да, я гребаный ублюдок из-за того, что возбуждался от запаха выпечки. Но технически, дело не в этом. А в женщине, которая пекла. Женщина, которая с первой гребаной встречи зажгла что-то внутри меня. И да, сначала мой член, потому что мне все еще предстояло обрести полный контроль над своими животными инстинктами. Но на нее не отреагирует только мертвый.

Она сногсшибательно великолепна.

Темно-рубиновые волосы, густые, длинные и всегда выбиваются из пучка. Персиково-кремовая кожа, которая розовела всякий раз, когда я был рядом. Веснушки, покрывающие изящный носик. Пухлые красные губы, которые любой мужчина мечтал увидеть вокруг своего члена.

Глаза острые, угловатые, поразительно зеленые. Они светились, когда у нее был хороший день. Они, блять, изменяли цвет. Звучит безумно, но это правда. Когда она счастлива, взволнована или что-то еще, они светятся ярким изумрудом. В плохие дни они были тусклыми, почти карими.

Ее тело — мечта. Изгибы, за которые можно умереть. Изгибы, которым я хотел поклоняться.

И голос. Низкий, скрипучий, но в то же время нежный. Я чувствовал вибрации в своем члене всякий раз, когда она говорила.

И сегодня, когда она начала лепетать о каком-то сериале, яблочки на ее щеках стали больше, отчего веснушки казались темнее на фоне кожи. Это мой конец.

Ее волосы падали вокруг лица, изумрудные глаза светились паникой, но это все равно вызывало у меня желание дернуть ее через прилавок и, наконец, попробовать ее губы, похожие на бутон розы.

Особенно теперь, когда на ней не было кольца от ублюдка. Теперь, когда мне не грозила опасность провести от пятнадцати до пожизненного в государственной тюрьме за убийство.

Она была моей. Независимо от того, носит она кольцо или нет. Понимаю, что это чертовски безумно, я едва знаю ее, но я чувствовал, что мы близки. Я знал, что она застенчива, что на ее лице отражались все до единой эмоции. Знал, что она легко краснеет. Что она улыбалась детям. Знал, что в конце каждого дня она жертвовала всю оставшуюся выпечку приюту для бездомных. Что она тихоня и немного бестолковая. Знал, что все, черт возьми, любили ее. Она чертово сокровище в этом городе. И знал, что она понятия не имеет,

насколько великолепно.

Она никуда не выходит развлекаться... я никогда не видел ее в баре. Знал, что она почти все время проводит в своей пекарне. Которую превратила в гребаную сенсацию по всей стране.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал я своему лучшему другу, когда мы забирались в грузовик.

— Чушь собачья, — ответил он, его голос был приглушен огромным куском брауни, который он откусил. За этим последовал стон, который мне действительно не следовало слышать от лучшего друга. Хотя я знал, что это не специально: нельзя съесть это, не испытав физической реакции. Я не ел сладкое. До тех пор, пока не оказался в этой пекарне три года назад.

Теперь мне снились гребаные круассаны.

Ну, во снах Нора обычно пекла их у меня на кухне, и была голой, но круассаны ведь там были.

Кип шумно жевал, пока я ставил свой кофе в подстаканник, все еще глядя на меня.

— Мы не будем об этом говорить, — рявкнул я, заводя грузовик. — Надо поговорить о доме, который мы должны закончить к концу недели, и ремонте, который мы должны начать на следующей неделе, и о цене, которую мы должны предоставить завтра, и о конфликтах в расписании, которые у нас возникли с двумя клиентами, — сказал я, заставляя себя не пялиться на нее из окон, как сталкер.

По крайней мере, пока Кип рядом.

— Нам нужно нанять больше парней, — сказал он.

Он не ошибся.

— Или девушек, — добавил он. — Она так же способны, и даже лучше, чем мужчины, в любых вещах.

В этом он тоже не ошибся.

— Если мы найдем женщин, ты не сможешь их трахнуть, — сказал я ему, потягивая кофе, чтобы не бросить на нее последний взгляд, прежде чем пекарня скроется из виду.

Кип пыхтел рядом со мной.

— Судом запрещено, — сообщил я ему.

— Для этого и существуют адвокаты, — пробормотал он, разглядывая пирожное. — Нора работает не на нас, а на себя.

— Поскольку мы не зарабатываем на жизнь выпечкой гребаного печенья, а она не строит домов, я и сам догадался, — черт... теперь у меня в голове была Нора в одной каске, и голая.

— Поэтому я и говорю, что суд не запретит тебе трахать ее, — пробормотал он.

Машина засигналила, когда я остановил грузовик на обочине, чтобы посмотреть на своего лучшего друга, не попав в аварию.

— Никогда не смей говорить о том, что я трахаю ее, — прорычал я, указывая на него пальцем.

Не горжусь, но я мог быть страшным парнем. Большую часть времени я был страшным парнем. Кип тоже знал, что это больше, чем просто сердитый взгляд, потому что он мой друг. Он знал выражение моих глаз, когда я оставлял прошлое позади, когда я был готов причинить кому-то боль без сожаления или пощады.

Точно так же я знал, что за этими его непринужденными улыбками Кип мог убить

человека менее чем за десять секунд, не пролив ни капли крови. Я знал, что эти непринужденные улыбки были просто гребаным фарсом, и за ними он пытается спрятаться. В противном случае ему пришлось бы начать переживать о том, что он потерял четыре года назад.

Его дразнящая улыбка не исчезла, несмотря на злость, которую он видел в моих глазах. Кип был бесстрашен... Он сталкивался с вещами, которых обычные люди боялись. Мы оба знали ужасы, о которых большинство людей не могли даже мечтать. И он — больше, чем я.

— Итак, она тебе нравится, — заключил он, постукивая себя по подбородку. — Я никогда раньше не видел, чтобы ты превращался в психованного серийного убийцу из-за цыпочки.

Я стиснул зубы.

— Тема закрыта.

Он прав.

Я не монах. Далек от этого. Я встречался с девушками. Трахался, точнее. Они оставались на ночь только в том случае, если я слишком уставал, чтобы выгнать их после секса. Я не готовил завтрак. Это был всего лишь секс. В ту секунду, когда у меня возникло подозрение, что женщина привязывается или ей пришло в голову, что она может «изменить» меня, все разрывалось.

Я не мудака. Или, по крайней мере, изо всех сил старался не быть мудаком. Следил за тем, чтобы они всегда выходили раньше, чем я. Но прекрасно понимал, что меня нельзя назвать нежным, пушистым, романтичным или любимым другим дерьмом, которого хотят женщины.

— Ладно-ладно, — Кип поднял руки вверх, сдаваясь. — Молчу.

— Хорошо, — проворчал я.

— Но я бы действовал быстрее, — добавил он, пока я выезжал на дорогу. — Сейчас она одинока. Многие мужчины попытаются подкатить к ней.

— Пусть попробуют, — отрезал я, моя кровь горела при мысли о том, что какой-то кусок дерьма прикасается к ней.

Прикасается к девушке, которая принадлежит мне.

Нора

— Это было плохо, — прошептала я, уставившись на дверь, которую Тина запирала.

После ухода Роузны я помчалась напрямик на кухню и ни с кем не разговаривала до конца дня. Удалилась в свое безопасное место и испекла три разных порции миндального печенья и торт с арахисовым маслом и двойной шоколадной глазурью.

Фиона уставилась на меня, а затем на торт, который я только что разложила на подставке для тортов на завтра. Сам торт исчезнет еще до десяти утра. Он был своего рода знаменитостью. И делался только в определенных случаях — когда я была глубоко погружена в какую-то спираль беспокойства или личную драму.

— Я бы сказала «ужасно», раз ты испекла «Кризисный торт», — заметила она.

— Это торт с арахисовым маслом и двойной шоколадной глазурью, — возразила я, прикусив губу.

Фиона закатила глаза.

— Это и есть «Кризисный торт», — она указала на подставку для тортов.

Я продолжала покусывать губу, не в силах спорить с ней. Это был «Кризисный торт».

Все в пекарне знали это. И он был знаменит. Вкусный. Особенный. Излечивал так, как могли только арахисовое масло и шоколад. Я делала его только в трудные дни. Слишком часто, когда встречалась с Нейтаном. С тех пор как мы расстались, у меня ни разу не было даже мысли испечь его. До сих пор.

— Тебя там не было, — сказала я ей.

— Была, — радостно защебетала она, макая ложку в миску с остатками глазури, которую она выхватила у меня, прежде чем я успела ее помыть. — Я наблюдала с твоего насеста на кухне, обычно предназначенного для того, чтобы ты подглядывала, когда приходит Роуэн.

Я впиалась в нее взглядом.

— Я не подглядываю.

— Еще как подглядываешь.

Я стиснула зубы.

— Ладно, я пеку кризисные торты, шпионю за горячими парнями, а потом выставляю себя полной идиоткой перед этими горячими парнями! — я фыркнула, прикрываясь руками.

Фиона усмехнулась.

— Ты не идиотка.

Я проигнорировала это и схватила ведро и щетку, которые приготовила ранее, чтобы сесть на пол и помыть нашу розовую плитку.

— Что ты делаешь? — потребовала Фиона, стоя надо мной.

Я наслаждалась удовлетворением, которое получала от того, когда щетка попадала в углубления в затирке, гораздо более эффективно, чем шваброй.

— Убираюсь, — ответила я, указывая на очевидное.

— Я вижу, что ты убираешься, — фыркнула она. — Просто не понимаю, почему ты убираешься, ведь мы драим этот пол раз в неделю. И делали это вчера. Если ты не готовишь, то убираешься, как ребенок, накачанный кокаином.

Я сморщила нос.

— Мне не нравится думать о детях, сидящих на коксе, — сказала я ей. — И даже если бы подумала, накачанный коксом ребенок не стал бы убираться.

— Неважно, — Фиона пренебрежительно взмахнула рукой в воздухе. — Я пытаюсь сказать, что ты моешь пол, который чище, чем мой обеденный стол.

Хотя Фиона была не совсем такой чистоплотной помешанной, какой, по общему признанию, была я, я сильно сомневалась, что это правда. Ее маленький коттедж на пляже был захламлен в том восхитительном стиле, в котором жила писательница Нора Эфрон. Захламлено, но чисто.

— Я скребу пол, чтобы отвлечься, потому что впаду в глубокую депрессию, если подумаю о том, какой дурой выставила себя сегодня, — проворчала я, скребя сильнее.

— Господи Иисусе, неужели ты не можешь справиться с депрессией, как обычная женщина, и воспользоваться вибратором, пока не потеряешь чувствительность клитора, пить вино и жрать шоколадные конфеты?

Я подняла взгляд.

— Неужели обычные женщины действительно так поступают?

Ее глаза, черт возьми, чуть не вылезли из орбит.

— Конечно. Самоудовлетворение, французское вино и швейцарский шоколад. А не это, — она указала на ведро.

Я перевела взгляд с нее на ведро, делая паузу, чтобы обдумать такой ход действий. Делать такие вещи казалось потаканием своим желаниям. Конечно, у меня есть вибратор. Конечно, у меня есть много вина и швейцарский шоколад — я не совсем поехавшая. Но я не объединяла все три вещи, чтобы справиться с эмоциями. У меня не было роскоши решать свои проблемы таким образом. Поэтому, я придумала другой способ — уборка.

Пока я размышляла о том, как я провела свою жизнь, справляясь с травмами, Фиона воспользовалась возможностью, вырвала щетку из моих рук и взяла ведро с водой.

— Эй! — я слабо запротестовала, пытаюсь забрать обратно. Но я сидела на полу, а она стояла и была намного выше меня.

— Нет, — сказала она. — Ты пойдешь домой и займешься всеми теми видами деятельности, от которых почувствуешь себя лучше. И я клянусь, черт возьми, если ты начнешь убираться дома, я узнаю, — она погрозила мне пальцем.

— Уборка заставляет меня чувствовать себя лучше, — возразила я, раскачиваясь на пятках.

— Чушь собачья. А теперь вставай, — приказала она, протягивая мне руку.

Я надулась, подумывая о том, чтобы поспорить с ней, но решила не делать этого. Она не совсем права... Шоколад, вино и мой вибратор действительно казались сейчас довольно приятным решением.

— Хорошо, — уступила я, хватая ее протянутую руку и поднимаясь.

— Он больше никогда сюда не придет, — заскулила я, как только поднялась на ноги.

Фиона сжала мою руку, прежде чем отпустить меня.

— Ну, тогда он гребаный идиот, — заявила она. — Даже когда ты строишь из себя дурочку, ты секси, — сказала она, подмигнув. — И я точно знаю, что где-то есть мужчина, который будет возбуждаться, когда ты будешь строить из себя дуру.

Я выдавила улыбку и не стала спорить, хотя и не была полностью убеждена.

У меня такое чувство, что я никогда больше не увижу Роуэна.

Оказалось, что оставаться допоздна в пекарне, моя ее сверху донизу, было бы более безопасным вариантом.

Я должна была догадаться... Вселенная не хочет давать мне передышку. Не то что бы я жаловалась. Вселенная дала мне многое. Или я максимально использовала каждую возможность, какой бы маленькой она ни была.

Моя жизнь была хороша. Даже великолепна. Но это не означало, что теперь можно забить на все и жить спокойно.

Это стало очевидным, когда я вошла в свою кухню, а там сидел мой бывший жених.

— Что ты здесь делаешь, Нейтан? — вздохнула я.

Я не сильно удивлена. Он звонил мне без остановки. И сегодня тот день, когда мы планировали пожениться.

Он последний человек, с которым я хотела бы сейчас разговаривать. Я все еще взволнована и подавлена взаимодействием с Роуэном, все еще пыталась убедить себя, что мне почудился интерес в его взгляде.

Я сбита с толку. Измученна. Мой день начинался в четыре утра, как и в течение многих лет. Теперь это стало для меня второй натурой — вставать, варить кофе. Зарядка. Потом еду в пекарню, надеваю фартук и принимаюсь за работу. Утро было моим любимым. Больше никто не вставал так рано. Была лишь я в своей стихии. В этом месте я чувствовала себя в

безопасности, уверенной в себе, защищенной.

Но из-за раннего подъема я ложилась около девяти. Самое позднее — в десять. Я могла бы нормально функционировать послав часов шесть, но предпочитала минимум семь. Работала до тех пор, пока пекарня не закрывалась в четыре часа дня, затем тратила еще час на то, чтобы все закрыть. Работу я обожала, но она отнимала много сил.

Вечера тоже посвящала себе. Наливала бокал вина. Готовила что-нибудь поесть или доедала то, что было в холодильнике. Включала телевизор, погружалась в подушки своего дивана, похожие на облака, смотря на последние лучи солнца, проникающие в окна дома. Дом, который я очень любила.

Дом, который Нейтан осквернял своим присутствием.

— Как ты сюда попал? — спросила я, прежде чем он смог ответить на мой первоначальный вопрос. Он сидел на одном из барных стульев на моем кухонном островке, загрязняя одну из моих любимых комнат в доме. Самая большая комната, потому что, ну так и должно быть. Кухня была моим сердцем и душой. Где я творила, развлекалась, где я находила спокойствие среди хаоса.

Комната с окнами, выходящими на суровый морской пейзаж. Комната, в которой всегда были свежие цветы, стоящие на разных поверхностях. Книги рецептов были выстроены вдоль прилавков, из-за них выглядывала чеканная белая задняя панель.

Все мои приборы были гладкими черными, первоклассными и стоили неприличных денег. Кухня моей мечты.

— У меня все еще есть ключ, — Нейтан поднял серебряный предмет, блеснувший на свету.

Я нахмурилась, вешая сумочку на крючок рядом с выключателями.

Ключ. Да, я дала ему ключ. Не потому, что этого хотела, а потому, что он на меня давил. Потому что он дал мне ключ от своей квартиры, так с чего бы мне капризничать? Потому что нам было суждено провести остаток наших жизней вместе.

Это наполнило меня горьким беспокойством, я дала ему нерегулируемый доступ в дом, который был моим убежищем. Был только моим. Дом, на который я заработала кровью, потом и слезами. Мой первый безопасный дом.

— Верни мне этот ключ, — сказала я, устраиваясь на другой стороне острова, отчаянно нуждаясь в расстоянии между нами.

Я не видела Нейтана с тех пор, как разорвала помолвку.

Кажется, он хорошо выглядит.

Его короткие светлые волосы были идеально причесаны, ни одна прядь не выбивалась из прически. Загорелая кожа была гладкой, за исключением небольших морщинок в уголках глаз. Васильково-голубые глаза, которые и близко не были такими привлекательными, которые я видела сегодня днем.

Нейтан, как обычно, был в своем костюме, синий галстук слегка ослаблен. Его куртка висела на спинке стула, указывая на то, что он здесь уже давненько ждет.

Стакан с виски перед ним тоже намекал на это.

— Нам нужно во всем разобраться, — возразил он.

Я на секунду закрыла глаза, пытаюсь найти в себе силы, терпение. Это не гром среди ясного неба. Нейтан звонил, писал смс, посылал цветы и подарки, пытаюсь «вернуть меня». Не понимая, что нельзя вернуть того, кто решил, что не хочет выходить за тебя замуж.

Нужно уважать это решение. Окей, ненавижу и обижаюсь на человека всю оставшуюся

жизнь. Тратить тысячи долларов на терапию, чтобы исправить нанесенный ущерб. Слетай в Европу, чтобы заново открыть себя и влюбиться в какую-нибудь итальянку. А не звони постоянно, не посылай подарки и не веди себя так, будто их решение было лишь простым разногласием, которое можно исправить. Как будто решение ничего не значит.

— Здесь не в чем разбираться, — сказала я ему, открывая глаза и расправляя плечи. — Мы расстались, — твердо сказала я, встречаясь с ним взглядом.

Он вздохнул, как всегда, когда я его бесила, когда мое мнение не совпадало с его.

— Нет, не расставались. Мы поссорились.

Я уставилась на него, разинув рот.

— То, что я отменила нашу свадьбу, — не ссора, — мои слова вырвались сквозь стиснутые зубы. — То, что я отменила нашу свадьбу, означало, что я приняла решение о своей жизни, которое давно назрело. Мне жаль, что я не сделала этого раньше, мне действительно жаль. Но я не хочу быть с тобой.

Нейтан прищурился, глядя на меня, выглядя раздраженным, но не похоже, что он понял суть. Нейтан с его голубыми глазами, дорогим костюмом, внешностью и известной фамилией не привык к тому, что люди ему отказывают.

Вот почему он здесь. Не потому, что он любил меня или хотел провести со мной свою жизнь. А потому что я внезапно стала для него более желанной, когда сказала, что он не может меня заполучить.

Мужчины.

Я вздохнула, поворачиваясь к шкафчику позади себя, чтобы достать бокал и наполнить его большим количеством вина.

— Это неприемлемо, Нейтан, — сказала я винному шкафу. — Ты не можешь приходить в мой дом. Ты не можешь продолжать звонить мне. Я приняла свое решение. Нам обоим нужно двигаться дальше.

Я взяла свой стакан и поставила его на стойку. Но прежде чем я успела закрыть шкаф, руки легли мне на плечи, разворачивая.

Мое тело позволило закружить себя, потому что я была в шоке. Я не слышала, чтобы он встал — из-за итальянских мокасин, — и уж точно не ожидала, что он схватит меня.

Сам захват был слишком крепким. Гораздо крепче, чем способны его мягкие, ухоженные руки. То, на что я жаловалась, когда дело касалось нашей сексуальной жизни. Сейчас это встревожило меня, учитывая ситуацию.

Учитывая, что мы были одни в доме, а моей ближайшей соседкой была семидесятилетняя женщина, которая находилась в трех милях отсюда.

Глаза Нейтана теперь пылали гневом.

— Я не собираюсь жить дальше, — отрезал он. — Я принял решение связать свою жизнь с тобой, — его хватка на моих руках усилилась. До боли.

Страх зародился в животе.

Нейтан не был слишком крупным мужчиной. Он был худощав, с телом пловца, но он был высоким. Намного выше меня. И определенно способен одолеть меня, обращаться со мной грубо, как и делал сейчас.

Я одиночка. Соблазнительная, но миниатюрная девушка, у которой не было никаких боевых навыков. В тот момент я поняла, что должна была уделять приоритетное внимание тренировкам, чтобы дать отпор. Защищаться. Чтобы не чувствовать себя такой беспомощной, когда мужчина прикасается ко мне.

Но мне повезло, что я никогда не была в ситуации, когда мужчина поднимал на меня руку, поэтому не думала, что мне нужно учиться таким вещам. Думала, что Вселенная достаточно поимела меня и не добавит физическую боль от мужчины к списку моих травм.

— Убери от меня свои руки сейчас же, Нейтан, — сказала я ему, заставляя себя встретиться с ним взглядом, чтобы мой голос не дрожал. — Убирайся из моего дома.

Я гордилась сталью в своем голосе.

Сталь, которая, по-видимому, абсолютно не подействовала на Нейтана.

— Нет, — процедил он сквозь зубы. — Я не уйду, пока мы не разберемся с этим. Пока ты снова не станешь моей.

Ярость и страх смешались во мне.

— Я никогда не была твоей, — прошипела я ему. — Об этом свидетельствует тот факт, что ты не уважаешь мои решения, ты не убираешь от меня руки, когда тебя просят, и ты думаешь, что мной можно владеть, как вещью.

Кончики ушей Нейтана покраснели от возмущения, а губы сжались.

— Ты же не серьезно, — пробормотал он, сжимая меня крепче. — Мне просто нужно показать тебе, — затем он дернул меня вперед, наши губы соприкоснулись, его язык проник в мой рот. Язык, который я тут же прикусила.

Что, к счастью, заставило его отшатнуться от боли, отпуская меня.

Не раздумывая, я повернулась, намереваясь оказаться как можно дальше от Нейтана. К сожалению, в разгар своей реакции «дерись или беги» я забыла, что оставила шкаф открытым, и врезалась прямо в него.

Меня не назвать бегуном даже если очень сильно постараться, но когда парень, с которым ты рассталась — парень, к которому ты испытывала отвращение, — ворвался в твой дом, а затем в твой рот, ты готова бежать марафон. Зачем только я установила эти шкафы. Они чертовски крепкие. И шкафами я очень гордилась до этого момента.

Если бы я была мускулистой девчонкой, кухонная дверь, скорее всего, просто слетела бы с петель. Я влетела в нее на полной скорости, и упала прямо на землю. Боль взорвалась в левом глазу, когда голова ударилась о итальянскую каменную плитку.

— Нора! — донесся голос откуда-то издалека. Он был приглушенным.

Потом на мне оказались чьи-то руки. Руки, из-за которых я сильно врезалась в дверцу шкафа, пытаюсь сбежать.

— Не трогай меня, — прошипела я, мой голос был напряженным. Я заставила себя подняться, не хотя быть в уязвимом положении на земле, пока Нейтан где-то рядом.

Голова закружилась, когда я села, лицо пульсировало, и зрение в левом глазу почти полностью затуманилось, когда я посмотрела в направлении Нейтана.

— Нора...

— Убирайся нахуй из моего гребаного дома, — прорычала я на него, мой голос был неузнаваем.

Нейтан замер на долю секунды. Я сомневалась, что это было вызвано каким-либо реальным беспокойством, вероятно, потому, что я никогда раньше так с ним не разговаривала. Я всегда была нежной, покладистой, покорной. И никогда не ругалась в его присутствии. Он считал это «неприличным». Тьфу. Как, черт возьми, я позволила этому мужчине надеть кольцо себе на палец?

— Я вызову полицию, если ты не уйдешь в ближайшие тридцать секунд, — пригрозила я. И действительно вызвала бы полицию, если бы смогла встать и дотянуться до своей

сумочки. Надеюсь, Нейтан не догадается, что я на это сейчас не способна.

Инстинкт самосохранения Нейтана победил, и он отреагировал быстро, его фигура отодвинулась от меня, а шаги затихли. Мне не стало легче дышать, пока я не услышала, как открылась и закрылась входная дверь. И даже тогда мне не стало легче. Из-за всей этой боли.

Хоть я и невротический ипохондрик, у меня была довольно высокая переносимость боли. Однажды я сломала руку, и никто мне не поверил из-за ипохондрии, так что я была вынуждена неделю ходить в школу со сломанной рукой. И даже бегала на физкультуре. Заняла второе место. Мама чувствовала себя виноватой, так что в итоге это был единственный раз в моей жизни, когда она была добра ко мне в течение длительного периода.

Мне потребовалась каждая унция силы воли, чтобы стиснуть зубы от мучительной боли в голове и лице, вцепившись в тумбу, чтобы подняться. Комната закружилась, зрение затуманилось, и я почувствовала, что меня может стошнить на прекрасные кварцевые столешницы. Но через несколько минут — а может, и больше, кто знает? — на моих столешницах не оказалось рвоты, и зрение несколько улучшилось. Темные пятна все еще плясали по комнате, когда я схватилась за стойку, добираясь до шкафчика над холодильником, где хранились все лекарства.

Я возилась с различными бутылочками, проклиная себя за то, что была одержима здоровьем и хорошим самочувствием, и отказывалась от большинства обычных обезболивающих.

Опять же, через несколько минут — вполне возможно, что и больше, — когда голова будто выросла в три раза, я вслепую хваталась за бутылки, и нашла Адвил.

Слезы текли по лицу, руки дрожали, мне удалось высыпать немного таблеток на ладонь и достать бутылку воды из холодильника.

Потом я провела остаток ночи, лежа на диване, уставившись в потолок и желая, чтобы пульсация в глазу прошла.

Зато перестала думать, какой дурой выставила себя перед Роуэном.

===== Глава 4 =====

— Я, блять, убью его! — закричала Фиона, когда вошла в дверь пекарни.

Я вздрогнула от ее тона, который усилил пульсацию за глазами. Еще и солнечный свет, льющийся через окна. Обычно мне нравилось, как пекарня купалась в лучах утреннего солнца... Я прислонялась к стойке, потягивала кофе и смотрела, как свет падает на волшебное пространство, которое я создала.

Сегодня это ощущалось по-другому.

— Можно же купить пистолет, верно? — нахмурилась она, бросая сумочку на прилавок, не сводя глаз с левой стороны моего лица. — Мы боролись долгое время, чтобы власти запретили продажу оружия, но сейчас я за это благодарна.

— Не нужно покупать пистолет, — быстро сказала я ей, ужаснувшись.

— Верно, у нас много ножей на кухне, — кивнула она один раз, направляясь в том направлении. Я схватила ее за руку, прежде чем она успела вбежать на кухню и вооружиться ножом, чтобы сделать неизвестно что.

— Фиона, — простонал я. — Кого ты планируешь убить?

К счастью, она остановилась, так как у меня нет никаких шансов сражаться с ней.

Ее сердитый взгляд стал глубже, когда она сосредоточилась на моем лице.

— Нейтана, — она выплюнула это имя, как будто оно было горьким на вкус. — Он это

сделал, не так ли? Засранец!

Фиона, будучи австралийкой, ежедневно употребляла слово на букву «З», что, по-видимому, было нормой для тех, кто был родом из Южного полушария. Она также обучила меня его использованию. «Мягкое З» должно быть своего рода комплиментом, вроде «он хороший мудака», а «жесткое З» означало оскорбление, вроде «он долбаный мудака».

Сейчас, безусловно, было «жесткое З».

— Нейтан этого не делал, если он тот засранец, о котором ты говоришь, — сообщила я ей.

Ее бровь приподнялась.

— Черт возьми, как будто есть кто-то еще, способный применить насилие к женщине, которая его бросила, вместо того, чтобы принять достойно этот факт, как мужик, — разглагольствовала она. — Или надо сказать, принять как женщина, поскольку мужчины никогда не воспринимают отказ или любую неудачу. Только женщины правильно справляются с дерьмом. Продолжай дальше.

— Нейтан этого не делал, — повторила я.

Ее сердитый взгляд ни на йоту не дрогнул.

— Хочешь сказать, что Нейтана не было, когда это произошло? — она указала на синяк под глазом.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки. Не могу сказать ей это.

Фиона восприняла мою паузу как своего рода подтверждение того, что Нейтан виноват.

— Я, черт возьми, урою его, — кипела она.

Я крепче сжала ее, чтобы она снова не отправилась на поиски оружия. Я никогда раньше не видела Фиону по-настоящему взбешенной. Это страшно и трогательно. Она бы отправилась на битву за меня в одно мгновение. Как и я для нее, конечно. Но у нее было бы больше шансов.

— Фиона, — мягко сказала я. — Нейтан был, когда это произошло, но он этого не делал... технически.

Фиона прищурила глаза.

— Тебе лучше объясниться побыстрее, или я иду за ножами.

Я объяснила. Что на самом деле не сильно помогло подавить ярость Фионы. В конце концов, она все еще была настроена убить Нейтана. Как и Тина, которая совсем не помогла, потому что у нее действительно есть огнестрельное оружие, но, к счастью, она отнеслась к этому несколько прохладнее.

Решением Тины было связаться с мотоциклетным клубом вне закона, с которым она поддерживала связь, и позволить им разобраться с Нейтаном.

Так что мне тоже пришлось отговаривать ее. К счастью, пекарня нуждалась в открытии, а клиенты — в обслуживании, так что у них было время отвлечься. Однако обе они весь день бормотали угрозы. Им было наплевать на то, что Нейтан технически не поднимал на меня руку.

Бурный день.

Я выпалась, что было неслыханно для меня.

Классическая музыка будильника была слишком тихой, чтобы вытащить меня из глубокого беспмятства, в которое я впала после того, как, наконец, провалилась в беспокойный сон прошлой ночью. Наверное, выпитый алкоголь помог. Обычно я не напиваюсь, но ведь и до этого у меня не было ситуаций, из-за которых хотелось бы напиться.

Если только я не готовила свой тыквенный пирог с бурбоном и ореховым шпрейзелем на День благодарения.

Итак, из-за того, что я проспала, весь мой график был нарушен. Я опоздала на час, торопясь достать из духовки кексы, печенье и круассаны. И поскольку я спешила выйти из дома, у меня не хватило времени нормально замазать консилером синяк.

К счастью, я прихватила из шкафа кардиган, который скрыл отпечатки сердитых пальцев на моих предплечьях.

Я точно не забыла о синяке под глазом. Я не могла забыть об этом, так как весь день ощущала тупую пульсацию. Но я погрузилась в работу — обслуживание клиентов, приготовление кофе, пополнение витрин — знакомый и успокаивающий ритм. Люди, конечно, спрашивали о моем лице. Это относительно маленький городок, и слухи о таких вещах распространялись со скоростью лесного пожара, поэтому я спряталась на кухне после многочисленных вопросов и комментариев.

Дот, одна из моих любимых пенсионерок мимоходом упомянула, что сломала бывшему мужу коленные чашечки, когда тот поднял на нее руку, и у нее все еще есть бейсбольная бита, с помощью которой она совершила этот подвиг.

Я вежливо отклонила ее предложение, в равной степени ужаснувшись и впечатлившись тем, что женщина с фиолетовыми волосами, носившая свитера с кошачьим принтом, раздробила коленные чашечки своего бывшего мужа.

Мы были сплоченным городом; люди заботились друг о друге. Ценности маленького городка остались здесь, в Юпитере, несмотря на то, что остальной мир сошел с ума.

Это приятно, ведь когда я росла, у меня не было такого. Здесь меня очень любили и уважали. Конечно, отчасти это было связано с тем, что я готовила сладкое, и у меня первоклассная эспрессо-машина. Но отчасти это было еще и потому, что я изо всех сил старалась быть хорошим человеком. Я жертвовала и свое время, и свои деньги на различные городские проекты. Я участвовала в каждом городском мероприятии. Помогала везде, где могла.

Меня очень любили и уважали.

А Нейтана не очень.

Поэтому большинство людей сложили два и два вместе, когда увидели меня. Два и два — это то, что я выгляжу так, словно меня ударили по лицу, и тот факт, что я рассталась с тем, кого люди обычно считали чопорным мудаком.

Это было утомительно — объяснять всем, что со мной дома произошел несчастный случай. Фиона и Тина были единственными, кто знал, что Нейтан был в доме, когда произошел вышеупомянутый несчастный случай. Я планировала, что они будут единственными двумя людьми, обладающими этой маленькой жемчужиной знаний, поскольку городская мельница слухов работала безостановочно, и правда теряется по пути.

Поскольку я была взволнована, измучена, испытывала сильную боль и вообще была не в себе, мое тело не распознало изменения в атмосфере, когда он вошел в дверь. На самом деле, я даже не знала, что он там, пока не оторвала взгляд от кассы и не увидела, что он стоит прямо передо мной.

Кип тоже был там, хотя я не обращала на него внимания.

Я не могла. Не тогда, когда глаза Роуэна нашли мои.

Хоть убейте, я не могла сказать, какое было выражение его лица или поза в те секунды, прежде чем я подняла голову и показала ему свое покрытое синяками лицо.

Обычно эти глаза были теплыми, манящими. Но, увидев их прямо тогда, я не могла поверить, что они стали двумя сверкающими дырами ярости.

Фраза «если бы взгляды могли убивать» была довольно банальной и избитой, но я не могла придумать ничего другого. Конечно, я все еще стояла, и мое сердце все еще билось, что означает: взгляд, который он бросил на меня, не заставил упасть замертво... Но я застыла на месте.

— Кто сделал это с тобой? — ноздри Роуэна раздулись, челюсть сжалась в жесткую линию.

Я моргнула на него, встревоженная неприкрытой угрозой в его тоне. Я знала, что этот парень может быть опасен — об этом говорили его мускулы, его размер и общая манера держаться.

Моя рука рефлекторно потянулась к тому месту, на которое он уставился. Я дрожала. Его глаза расширились при виде моей дрожащей руки, поэтому я быстро отдернула ее обратно.

— Никто, — пискнула я. — Я просто... упала, — это была правда. Не считая некоторые важные детали и одного мудака, но, тем не менее, правда.

Правда, на которую Роуэн, по-видимому, не купился.

Он дал это понять, обогнув стойку несколькими быстрыми, мощными шагами и надвигаясь на меня. Я была совершенно не готова к тому, что он преодолет барьер между нами и войдет в мое пространство, поэтому у меня не было времени убежать.

Мне все равно некуда бежать, так как за спиной эспрессо-машина, о чем я не думала, пока не врезалась в нее спиной.

Роуэн не остановился, его рука схватила меня за предплечье твердой, целенаправленной, но не болезненной хваткой, и потащил меня на кухню.

Или попытался, но я издала тихий стон боли.

Он не причинил бы мне боли, если бы у меня не было синяков именно в том месте, где он сжимал. Поэтому хныканье я не могла контролировать.

Мой всхлип остановил Роуэна, он отпустил мою руку, как будто обжегся. Его взгляд остановился на том месте, которое было прикрыто кашемиром. Нежный кашемир, который, к счастью, не мог раствориться от ярости в его взгляде.

Я застыла, не в силах перестать пялиться на него, не в силах ничего сказать.

Роуэн тоже на мгновение замолчал. Казалось, вся пекарня затаила дыхание.

Ну, пока его ладонь не опустилась на мою поясницу — как перышко, едва заметная, но я могла бы поклясться, что ее отпечаток врезался в мою кожу — и мягко повел меня на кухню.

Я позволила направлять себя, потому что не знала, что еще делать. Потому что это казалось самым безопасным вариантом — вдали от всех зрителей. Я не привыкла быть в центре городских сплетен, и знала, что синяк под глазом плюс это взаимодействие с Роуэном заставит людей говорить обо мне в течение нескольких дней.

Кухня была моим безопасным местом. И вот он здесь. Большой, внушительный и яростный.

— Сними свою кофту, — тихо сказал он. Но будто прокричал. Хотя его тон был бархатисто-ровным, в нем сквозила чистая ярость. Ярость, которая светилась в глазах, от которой напряглись жилы на шее, а руки сжались в кулаки по бокам.

Эта ярость должна была заставить меня сжаться в крошечный испуганный комочек. Не

только из-за прошлой ночи, но и из-за того, какой я человек в целом. Пугливая. Боялась большинства вещей. Стремилась подчиниться большинству ситуаций.

Но необъяснимо я скрестила руки на груди, вздернула подбородок и, прищурившись, посмотрела на него.

— Нет, — отрезала я.

Он медленно моргнул один раз, рассматривая меня. Ярость не рассеялась ни на йоту. Воздух вибрировал.

— Нора, — мое имя вырвалось сквозь его стиснутые зубы. — Сними этот ебучий кардиган.

Это первый раз, когда он произнес мое имя. И хотя он изображал из себя запугивающего альфа-самца, я должна была включить в себе убежденную феминистку, у меня от этого покалывало кончики пальцев.

— Роуэн, — вскипела я в ответ. — Не приказывай мне снимать одежду, ты не имеешь на это право.

Его тело дернулось.

— О, у меня есть гребаное право, — сказал он низким голосом.

Мои колени задрожали сами по себе.

— У тебя синяк под глазом, — он указал на мое лицо.

— Я в курсе, — сказала я ему.

— Синяк под глазом, — повторил он, как будто я ничего не ответила. — И поскольку этот город — огромная фабрика сплетен, я знаю, что вчера ты должна была выйти замуж за кусок дерьма.

Яд, с которым он упомянул Нейтана, меня удивил. Как я уже говорила, его недолюбливали. И знала, что он не тусуется в общих кругах с Роуэном. Но я не думала, что он знал его настолько хорошо, чтобы говорить с такой злостью.

— Вчера эта идеальная кожа была безупречной, — продолжил Роуэн, голос угрожающий, поза напряженная. — Сегодня, на следующий день после вашей запланированной даты свадьбы, эта идеальная кожа испорчена. И ты визжала от боли, когда я прикоснулся к тебе. Что наводит на мысль, что это, — он кивнул на мое лицо, — не единственный синяк.

— Я не визжала, — возразила я, мой разум все еще обрабатывал тон, которым он сказал о моей идеальной коже.

Роуэн ущипнул себя за переносицу, сделав долгий, слышимый вдох, прежде чем заговорить.

— Ты снимаешь кофту, или я звоню в участок и вызываю Финна, чтобы он взял показания.

Я с трудом проглотила комок, образовавшийся в горле.

— Показания?

Он кивнул один раз. Движение было жестоким.

— Я не буду давать показания, — захныкала я. — Ничего не случилось.

Паника начала подступать к горлу. Мысль о том, что полиция придет сюда, в мою прекрасную пекарню, в мое безопасное место, заставит говорить о том, что я изо всех сил старалась подавить... Все внимание будет на мне, а затем на Нейтане, чья мать поставила бы целью своей жизни уничтожить меня, если я еще больше испорчу безупречную репутацию ее идеального сына. Боже, сейчас упаду в обморок.

— Это твои варианты, — пожал плечами Роуэн, не сводя с меня глаз. — Или ты снимаешь, или я вызываю сюда копов.

— Это безумие, — прошипела я. — Ты не можешь врывать сюда и ставить мне ультиматумы.

Роуэн ничего не сказал. Он просто продолжал смотреть.

Он не прикасался ко мне и никак не удерживал. Я могла развернуться и уйти. На расстоянии крика была целая толпа людей, одним из которых была моя лучшая подруга. И я знала, что Тина, не колеблясь, подралась бы с Роуэном, если бы подумала, что мне каким-то образом угрожают.

Но мне никто не угрожал.

Несмотря на его гнев, который стал физическим, несмотря на нашу огромную разницу в размерах, даже несмотря на его команды, я знала, что Роуэн не причинит мне вреда. У этой мысли не было доказательств, но я все равно была уверена.

— Если я сниму, ты не будешь вызывать полицию, — сообщила я ему по неизвестным причинам.

Челюсть Роуэна напряглась, и последовала долгая пауза, прежде чем он, наконец, кивнул.

Я медленно сняла кардиган, комкая его в руках, внезапно почувствовав себя очень неудобно и маленькой под его пристальным взглядом.

Чего ожидать, когда он увидит синяки, я не знала. Может быть, какую-то вспышку гнева. Ругань. Больше сердитого взгляда, сверкающей ярости. Но ничего из этого не произошло.

Невероятно нежное, едва заметное прикосновение пробежало по коже моих предплечий.

Мое тело наэлектризовалось от этого прикосновения. Я застыла, когда он осторожно провел по тем местам, где Нейтан хватал меня.

Один из этих пальцев добрался до моего подбородка, приподнимая его, чтобы я больше не пялилась на кардиган, скомканный в руках. Мои глаза потерялись в его.

— Расскажи, что случилось, кексик, — тихо пробормотал он.

Не такая яростная мягкость, как раньше. Просто мягкость.

Он назвал меня кексиком.

Его пальцы все еще поглаживали мои предплечья. Его глаза были тающими, теплыми... безопасными.

Не было другого выбора, кроме как рассказать ему обо всем, что произошло.

Глаза не смягчились, как только я все объяснила. На самом деле, они ожесточились в ту секунду, когда я сказала, что Нейтан был в моем доме, когда я вернулась с работы, а затем превратились в камень, когда я сказала остальное.

Но его руки оставались на мне. Хватка так и не усилилась. Его ярость не впилась в мою кожу.

Ярость, которую нужно объяснить. Он ведь не знает меня. Не считая тех скудных взаимодействий, которые у нас были. И все же он стоял, прикасаясь ко мне так интимно. И называет меня кексиком. У меня внутренности сжимались.

— Будь здесь, — сказал он, как только я закончила. — Работай. главное, не оставайся одна, — он мотнул головой туда, где был прилавок. — Твоя австралийская злючка будет рядом. Наверное, Тина тоже. Я вернусь, либо сюда, либо в твой дом.

Очень много информации. Очень много приказов. Которые не имели смысла по целому ряду причин, большая из которых заключалась в том, что я не верила, что мужчина имеет право приказывать женщине. Никогда.

И потому, что мы с Роуэном практически незнакомы.

Нужно было задать несколько вопросов. Аргументы привести. Прочитать лекции о феминизме и правах, предоставленных мне как сильной женщине и человеку, равному ему.

Да, все это нужно было сказать.

Но нет. Я мечтательно моргнула, глядя на него, затем сказала:

— Хорошо.

Глаза Роуэна снова затуманились.

Он не пошевелился. Его пальцы все еще нежно поглаживали мою руку, мой подбородок покоился в его другой руке. Его восхитительный запах отпечатался на всем моем теле, и у меня чуть не случился мини-инсульт, либо мини-оргазм... Может быть, и то, и другое.

Мгновение, наполненное напряжением и нежностью, нависло над нами.

— Роуэн, — сказала я шепотом.

— Да, кексик?

— Что это такое? — спросила я.

Его рот слегка приподнялся, прежде чем он наклонился и нежно поцеловал меня в лоб. Когда он отстранился, наши лица были в нескольких дюймах друг от друга.

Мое сердце бешено колотилось.

— Это, — пробормотал он, не сводя с меня глаз, — наше начало.

Потом он просто повернулся и ушел.

Роуэн

— Кип, — рявкнул я, выходя из-за прилавка. Я игнорировал всех, кто пялился на меня, хотя острый взгляд Тины было трудно игнорировать. Эта женщина пугала меня больше, чем любой мужчина. Было ясно, что она защищала Нору, и я рад этому. И если бы она захотела, то сразилась бы с любым. Увалила бы Нейтана с закрытыми глазами. Я бы поставил деньги на то, что она планирует убийство, стоя возле кофеварки.

Она бросила один взгляд на мое лицо, затем снова на то место, где я тащил Нору на кухню, очевидно, сделала какой-то вывод о том, что я делал, затем кивнула. В знак одобрения, как я предположил.

Кип стоял, опершись локтями на стойку, вероятно, пытаюсь пофлиртовать с австралийкой, которая не хотела иметь с ним ничего общего. Австралийка, которая тоже бросала на меня острый, покровительственный взгляд.

Взгляды двух женщин утешили меня, так как я знал, что они обе любят Нору и будут присматривать за ней.

— Уходим, — рявкнул я на него.

Кип, к его чести, мгновенно уловил мое настроение и не пытался спорить или задавать вопросы, пока мы не сели в грузовик.

Хотя в ушах у меня стоял низкий гул, а тело горело огнем, мне удалось сдержать худшую часть своей ярости.

— Куда мы? — спросил он.

Я посмотрел на своего лучшего друга.

— Проучим кусок дерьма, который поднял руку на мою женщину.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧИТАТЬ В ГРУППЕ <https://vk.com/towwersauthors>